

Заметки о фашизме

Фашизм это ускоритель, возбудитель национальной жизни, как в области духовной (назовем этот отсек национально-романтическим), так и материальной (эту часть удобнее всего назвать социологической). Так, и только так, можно определить общее, универсальное содержание фашизма. Само собой разумеется, что «ускоритель» приложим там, где нужно что-то ускорять, т. е. фашизм тогда и там стоит на очереди, где национальное сознание угасает, а социальная неразбериха растет. Оговорим при этом, что под угасанием национального сознания мы имеем в виду не столько деградацию духа в широких массах, сколько оскудение правящего слоя. Именно так обстояло дело в Италии и Германии. Демократия, не понимающая, что национальная романтика является ПЕРВИЧНОЙ РЕАЛЬНОСТЬЮ государственного бытия, без которой никакая общественная жизнь невозможна, будет также получать жестокие уроки от истории и будет бессильна также и перед чисто социальными вопросами, которые благополучно разрешаются только на фоне той-же национальной романтики.

Говоря о социальных нуждах надо выявить существо фашизма по этому вопросу: он радикален, а не революционен. Надо быть терминологически точным, потому что от этого зависит точность понятий и точность всех дальнейших выводов. Объявить себя революционным в социальном отношении это значит отнестись к предыдущей, сменяемой эпохе, как к порочной и в основе своей подлежащей уничтожению. Фашизм никакого разрыва истории с собой не несет. Именно в этом его моральная сила, потому что вся революционная словесность, объявляющая рождение «новых миров», «прыжки в царство свободы» и пр., неизбежно и логически приводит к физическому истреблению носителей «старой» культуры и, вообще, вырезыванию инакомыслящих. Здесь непроходимый рубеж между фашизмом и последовательным социализмом, который всегда исходит из борьбы классов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Фашизм, какой бы резкой формы он в той или другой стране не принимал, всегда остается ПРИНЦИПИАЛЬНО по эту сторону кровавого бреда разных революционных учений; он выступает не во имя борьбы классов, с соответствующим «мессиаством» ОДНОГО класса, а во имя их примирения и сотрудничества.

Надо быть справедливым и к социализму: в его отталкивании от капитализма есть немалая доля истины и формулируя этот свой исходный пункт, как «уничтожение эксплуатации человека человеком», социализм пока пребывает еще в русле моральной правды, которая к нему и привлекает массы. Но на этом негативном положении все правды социализма и кончаются. Собственное социалистическое строительство, уничтожая анархическую эксплуатацию капиталистического общества, создает свою стройную систему эксплуатации человека государством и даже уничтожения Человека (с большой бук-

вы!) государством. Моральное русло фашизма лежит между этими эксплуатациями и на практике все творческие усилия фашизма направлены на отыскание равнодействующей между старым капитализмом и его новым, вывернутым наизнанку, аспектом — социализмом.

Внешний фасад фашизма-диктатуры является именно внешней стороной, которая может быть, а может и не быть. В тех случаях, когда демократическая власть не находит в себе сил опереться на иррациональную динамику нации и коснеет в космополитических схемах, фашизм оборачивается диктатурой; в тех же случаях, когда демократия является продуктом природным, она имеет все основания «ускориться», исходя из самой себя и дать некую неodemократию*), между которой и фашизмом, по главным линиям, полнейшее тождество. Примером этой эволюционной линии фашизма является, конечно, Америка. Так называемый опыт Рузвельта есть именно первый опыт спуска капитализма на тормозах в долину, где, при всем своеобразии климата, проходит та же изотерма, что и в Италии. Припомним, что и Англия уже весьма далеко отошла от своего классического либерализма.

Демократия, как структура общества, выросла из англо-саксонского мира и факт исхождения из своего национального гения и позволяет ей сохранить равновесие на поворотах и иметь неплохие виды на будущее. Совсем иначе обстоит дело на континенте, где демократии, сколь-бы долго они не существовали, все таки в основе своей развивались из английского опыта и, что хуже всего, и поняли себя, как универсальную схему, подкованную космополитизмом и позитивизмом, и приложимую ко всем временам и народам. В этом факте больше всего сказывается их незрелость, чужеродность. В то время как, благополучная в основных своих линиях, природная английская демократия есть прежде всего демократия аристократическая, в других странах она выглядит как равнение на хама и идеализация пошлости. Неудивительно, что динамическое развитие свобод вылилось во всеобщий разброд духа, а народоправство — в парламентское взаимоподсигивание, и неудивительно, что взрывы национального возрождения (фашизм) обрушиваются на эту демократию весьма сурово.

Когда фашизм сметает демократии, то он может позволить себе роскошь обернуться диктатурой, давая при этом как-бы некое молчаливое обещание не повредить Человека. Когда же надлежит разнести диктатуру, уже зарезавшую Человека, то первой задачей национального возрождения является именно оживление Человека, т. е., говоря на политическом языке, правовое укрепление личности, — вполне из индивидуалистического репертуара демократии. Это первое, что надо помнить, подходя с хирургическими инструментами к СССР. Перед Русским фашизмом стоит не опасность революции (как было в Италии и Германии), а уже ее итог. Итоги эти весьма вырази-

*) На темы, затрагиваемые настоящей статьей, автор имел уже случаи высказывать свою точку зрения на страницах журналов «Третья Россия» ном. 1 (1932) и «Завтра» ном. 2, 3 и 4 (1933).

тельны: на 20-м году своей жизни пролетарское государство почти полностью освободилось от понятия Человека. Никто и не ищет его среди тех, кто угощает сейчас страну и весь мир разными «процессами» — Сталины, Зиновьевы, Вышинские и Троцкие вполне равны друг другу и вполне вне рассмотрения. Страшны те, на ком запечатлелись их тени! Залпы латышей и китайцев были менее губительны, чем хоры «возлюбленному и лучезарному». Сами зачинатели Русского погрома были в этом смысле лучше своих детей, — лучше хотя бы потому, что в самой воспаленной ненависти, которая ими двигала, есть какие-то человеческие черты, — в возможности срыва, прозрения. Ненависть — человеческая страсть. В убийце, когда он выходит на свое дело, в страшный час может еще прогреметь что-то внутри и преобразить его, но человек, который с самодовольной икотой вешает над кроватью топор с залекшейся кровью и пригоняет себе крахмальный воротничек — «что-бы походить на приличных людей!» — вполне уже переродился в другой род и вид: Homo marxisticus.

Трудно увидеть Человека под этим марксистским прессом. Он, конечно, еще шевелится где-то в глухом подполье и жив, а то что Русский человек жив свидетельствует хотя бы тот факт, что жива Русская Церковь. Очистить одну шестую от «образа и подобия» не под силу даже марксизму, но настолько эти ниточки невесомы, незримы, что одной политикой из них ткани не соткать. Русский фашизм должен это знать и не становиться на тот легкомысленный путь в отношении религии, который позволили себе некоторые его европейские коллеги.

В тоже время политику незачем вполне растворяться в религии, и как бы складывать свое собственное оружие. Следует трезво определить то, что с его стороны можно и должно сделать для той же цели. Таким первым политическим деянием, как выше вскользь упомянуто, является возрождение духа и формы правового государства, оживление человека в России свободой бытовой и всяческой — в пределах, конечно, того, что не приводит к пожиранию самого себя.

Пессимисты и Русские псевдо-фашисты, диктатурщики самодовлеющие, вероятно возмутятся и поспешат поймать в противоречии: «как можно homo marxisticus дать свободу? Чтобы он все и вся разнес?» — Вообразим, что homo marxisticus околеть может только от правопорядка и дуновения свобод. Следовательно, надо-же когда нибудь начинать новый круг. Но не будем в этом споре переходить границ. Скажем открыто, что пессимистические возражения должны быть учтены со всей серьезностью, и тут перед Русским фашизмом стоит труднейшая задача: нащупать те формы, в которые свобода может отлиться. Исходя из этого, фашистский облик мыслим только, как союз всех сил национального возрождения. Это даже, если угодно, не «союз», проповедь которого в настоящее время кажется чем-то весьма слашавым и утопическим, а простое понимание необходимости сотрудничать друг с другом: имеется достаточный минимум, обязывающий к взаимоуважению — национальная романтика. И, именно, из того факта, что группы и партии, составляющие фронт национального возрождения, не сведены (и им в коем случае не должны быть сведены) к некоей всепожирающей уни-

тарности, рождается осуществление права и свобод. Рамки этой конституции надо очертить с фашистской суровостью: все то политическое или общественное, что не содержит в себе эмбрионов национализма, не должно быть и допущено к политической жизни. Здесь — резкое расхождение с классическими канонами демократии: национальное государство, исторически созданное, не может давать прав гражданства тем силам, которые основным идеалом ставят... разрушение этого самого национального государства. Национальное государство принимается как абсолютная непреложность, а силы ему противоборствующие должны быть обречены на политическое небытие. Здесь грань, дающая и количественный и качественный смысл идеям свободы.

**

Фронт национального возрождения (что и есть Русский фашизм) тогда может быть действительно реализован, когда он обретется на легитимный монархизм, как на символ объединяющий и силу регулирующую. В нем одном заложено идеологическое и практическое равновесие между идеями национализма, с одной стороны, и идеями права-свободы, с другой. Без легитимного монархизма сколотить национальный фронт также мудрено, как из тумана построить хижину. Программные расхождения всегда будут возводиться в идеологическую ступень и разбрасывать соратников в стороны.

Собственно, даже если бы и социализм, сохраняя все свои воззрения на экономику (хотя бы вплоть до полного отрицания частной собственности), нашел в себе силы переродиться в остальном и подняться до внеклассовой, националистической идеологии, то и он мог бы составить один из флангов национального возрождения.

Вообще же, касаясь второго пункта фашизма — его социальной динамики, заметим, что в Русской действительности она тоже выглядит совсем иначе, чем на западе; там новая экономика характеризуется движением справа налево, тогда как в России возможно только обратное движение. «Осуществленный социализм» (можем смело опустить ковычки, т. к. вполне согласны со Сталиным, что социализм там как-раз и осуществлен) требует лекарств не столько радикальных, сколько либеральных, точнее сказать — внедрение либеральных начал в Русское хозяйство и есть наирадикальнейшее, что требуется. Исходя из фашистских взглядов на экономику остается определить только тот барьер, дальше которого волна либерализма не покатила бы. Найти это золотое сечение — «третью экономику», по выражению проф. Тимашева — дело не легкое. Даже Муссолини с его огромными талантами и не меньшим опытом весь еще в поисках, и твердые догматы будут найдены только в результате длительных нащупываний.

Настоящая статья подчеркивает, что в фашизме надо уметь различать его мировую, делающую эпоху, сущность от местных обликов. Самым ошибочным и вредным было-бы это местное делать предметом заимствования. Это значило бы трактовать фашизм на подобие демократизма или социализма — как интернациональную схему, годную для всех времен и народов. И те Русские подражатели фашизма, которые заимствуют главным образом принцип диктатуры,

обнаруживают непонимание и фашизма и Русской действительности и задач будущего. Как раз «гениальные и любимые», это то первое, что в Русской жизни надлежит уничтожить, потому что вся стихия ГПУ, захлестнувшая Русскую жизнь, именно на этих непогрешимых вождях и держится. Продолжать эту линию значит продолжать то, что есть, а если какой нибудь очередной вождь пристегнет к себе еще и национализм с монархизмом, то это будет такой компрометацией этих понятий, от которой они вряд ли когда нибудь оправятся. Постараемся — без этого!

Н. Былов.

Фашизм. Монархия. Социализм.

Настоящая статья является почти точным воспроизведением доклада, долженствующего быть вступлением в целую серию докладов, посвященных социальной проблеме нашей эпохи. Отсюда некая «энциклопедичность» и недостаточность аргументации. Надо было, прежде всего, указать на несколько основных положений — «невралгических узлов» — которые должны быть развиты в последствии.

I. МАРКСИЗМ И СОЦИАЛИЗМ НЕ СИНОНИМЫ

Как, однако, трудно усвоить эту истину большинству Русских людей за рубежом. Сколько раз приходится слышать такие возражения: пусть даже это так — теоретически; но практически, между социализмом и марксизмом нет никакой разницы; и совершенно незачем, для реального политика, заниматься этими диалектическими тонкостями. Такое нежелание разобраться в самых важных процессах нашего времени обрекает на полное непонимание происходящего у нас перед глазами. Социализм, в той или иной форме, в той или иной степени, буквально, завоевывает мир; в то время как марксизм — явно на ущербе; и прежде всего, и больше всего, на ущербе у нас на Родине.

Задача, следовательно, заключается в том, чтобы кратко охарактеризовать, что такое марксизм и что такое социализм.

Марксизм есть единая доктрина, претендующая охватить все стороны человеческого существования — от биологии до религии. Поэтому, марксизм догматичен; он не способен к эволюции. Ленин, в сущности, был первым могильщиком марксизма; победа марксизма в России была первым его поражением.

Вот характерные черты доктрины Карла Маркса:

А. В области философской: материализм.

Материализм заключается в отрицании самостоятельности духовного начала. Логическим выводом отсюда является исторический